

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1972 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1972 ГОДА

Тихомировские чтения 1972 г. проходили 5 июня. Их темой была «Методика описания древних рукописей». Были заслушаны доклады академика Д. С. Лихачева, Л. П. Жуковской, А. Д. Люблинской и совместный доклад Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедевой, Б. Л. Фонкича.

Д. С. Лихачев

ЗАДАЧИ СОСТАВЛЕНИЯ МЕТОДИК ОПИСАНИЯ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ

Прежде всего я хотел бы сказать, что мне очень приятно выступать в Археографической комиссии. Долгие годы наша археография страдала от разобщенности, от того, что мы все работали порознь, мало делились опытом. И вот, наконец, мы имеем энергично работающий центр, объединяющий наши усилия и руководящий археографической работой. Это чрезвычайно важно, и я думаю, что мы все должны всячески поддерживать Археографическую комиссию в деле руководства описанием рукописей, потому что до сих пор и описанием рукописей все занимались порознь и в какой-то мере, к сожалению, кустарно.

Мне хотелось бы обратить внимание на необходимость строго различать типы описания рукописей. Это, во-первых, охранное описание рукописей; во-вторых, путеводитель по тому или иному собранию или фондам; в-третьих, описание фондов, описание собрания или ряда собраний (в частности, история фондов — об этом я скажу дальше); в-четвертых, полное научное постатейное описание рукописей.

До сих пор между этими типами не установлено строгих различий. Больше всего распространен тип путеводителя, — может быть, потому, что составление путеводителя значительно легче составления строго научного постатейного описания и не требует исчерпывающих характеристик рукописей. Между тем исчерпанность описания — это самое трудное, что требуется от занимающегося описанием. От необходимости давать исчерпывающие данные составитель путеводителя свободен. Он может произвольно выбирать то, что полегче, что ему кажется «поинформативнее». Но, возможно, путеводители так популярны сейчас потому, что они больше всего нужны самим учреждениям как рекомендации ценности рукописных собраний, а иногда и прямо как реклама этих собраний. О недостатках формы путеводителей или вернее об их бесформенности я уже писал в «Текстологии на материале русской литературы X—XVII вв.» и не буду повторять то, что мною было высказано¹. Однако должен сказать, что сейчас я несколько изменил отношение к путеводителям. Я считаю, что путеводители могут быть лишены импрессионизма и произвола, если договориться точно, что мы должны включить в путеводитель и, главное, какую цель должны преследовать путеводители.

Что касается до совершенно не принятого у нас сейчас описания

¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 104—107.

фондов рукописных собраний, то на этом вопросе стоит остановиться несколько подробнее. Фонды рукописей постоянно перекочевывали из одного собрания в другое, вливались в другие фонды, сливались, разъединялись, на каком-то этапе получали свое описание. Поэтому история фондов чрезвычайно важна для того, чтобы хотя бы разобраться в имеющейся литературе о рукописях, в имеющихся шифрах, которые также менялись, и т. д. Особенно много таких перемещений фондов произошло у нас после Октябрьской революции в результате централизации архивного материала, а также на Западе во время второй мировой войны, во всех славянских странах; даже местонахождение отдельных фондов оказалось неизвестным. Некоторые рукописи как будто исчезли, потом неожиданно находятся в местах, где их никто не искал, и т. д. В связи с путаницей и неразберихой со славянскими рукописями, создавшейся после второй мировой войны, Текстологическая комиссия Международного комитета славистов обратилась в 1965 г. с призывом ко всем центрам хранения древнеславянских рукописей с просьбой составлять описания фондов славянских рукописей; имелось в виду, что в этих описаниях будет указана история этих фондов и их происхождение по странам.

Инструкция по составлению описей фондов древнеславянских рукописей была составлена Текстологической комиссией и опубликована в журнале «Славия» в 1965 г.², но, к сожалению, не получила в нашей стране никакого отклика. Но это — требование славистов всех стран, и мы обязаны с этим требованием считаться. Если нельзя составить опись фондов того или иного хранилища, то сведения по истории и происхождению фондов должны включаться в путеводители. Одной из главных задач создания путеводителей могла бы быть задача показа истории фондов. Но дело не должно этим ограничиваться. Полное научное поэтапное описание рукописей, которое, конечно, должно проводиться по фондам, нужно начинать с указания на происхождение фонда, с изложения истории фонда. История фонда должна предварять описание отдельных его рукописей.

Разумеется, при описании рукописи история ее также должна обязательно отмечаться. Это чрезвычайно важно во многих отношениях. У нас, к сожалению, в научных описаниях очень часто рукопись описывается так, как будто бы сама по себе она не имела никакой истории, т. е. дается формальное описание рукописи в ее наличном виде. Поэтому мне кажется, что в научное описание той или иной рукописи должны непременно включаться данные об ее истории, об ее происхождении. И, следовательно, история фонда, в который входит рукопись, непременно должна разрабатываться.

Мы знаем о многих недоразумениях, вызванных тем, что история фонда у нас изучалась недостаточно. Л. А. Творогов указал на ошибку даже такого «безошибочного» ученого, как А. Н. Насонов, объявившего в своем издании «Псковские летописи» (вып. I. М.—Л., 1941, стр. LIV) о потере Холмогорского списка Псковской летописи³.

Литература по рукописи должна включаться в описания под знаком истории данной рукописи и истории фонда. Очень часто в литературе о рукописи сообщаются неточные, ошибочные сведения, и это обязательно должно отмечаться в описании рукописи (само собой разумеется, с указанием на ошибки), так как это часть истории рукописи.

Насколько важно и интересно изучать историю фонда, показал недавний доклад американского ученого Д. К. Уо в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН

² «Slavia», Praha, 1965, š. 2, s. 260—262.

³ Л. А. Творогов. Холмогорский список Псковской летописи.— «Псковская правда», 2 декабря 1945 г.

СССР. Он анализировал в своей работе историю Строевского собрания, вошедшего в Погодинское Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, и дал очень много выводов по тем или иным строевским сборникам. Я не буду сейчас излагать содержание доклада. Думаю, что он будет напечатан и все смогут с ним ознакомиться.

Но Даниэль Уо, разумеется, не пионер в исследовании истории фондов. Дело в том, что этому придавалось и придается чрезвычайно большое значение Л. А. Твороговым. Он выпустил в Пскове в 1957 г. брошюру «Сокровищница старой русской книжности». В брошюре ясно указано на необходимость собирать рукописи по старым собраниям и изучать историю фондов⁴. К сожалению, сам Л. А. Творогов не продолжил это начинание. Он собрал фонды рукописных и старопечатных книг в Древлехранилище Псковского краеведческого музея, и они стоят в красивых шкафах, но заниматься детально историей собранных им фондов, а главное, публиковать по этому вопросу исследования он, к сожалению, не имеет возможности.

Отмечу, что В. И. Малышев также указывал на необходимость сохранения фондов и изучения их в связи с необходимостью изучать традиции того или иного края⁵. Это делал Л. А. Дмитриев для карельских фондов Древлехранилища Пушкинского Дома⁶. Можно привести еще ряд примеров, что до Даниэля Уо комплексным изучением занимались многие люди, но все это делалось разрозненно, разобщенно; не создавались традиции изучения фондов, не создавались методики изучения фондов, инструкции по изучению фондов, кроме той инструкции, которая была составлена Международным комитетом славистов.

Комплексное изучение истории рукописей и рукописных собраний становится все более насущным и результативным. Комплексность входит в изучение рукописей, следуя в этом отношении за развитием принципа комплексности в текстологии. Изучение рукописей в составе собраний аналогично изучению текстов в окружении других текстов. Мы должны заниматься «конвоем» рукописей так же, как «конвоем» текстов, и историей рукописей — как историей текстов.

Отмечу, что принцип комплексности изучения рукописей совершенно исключает возможность избирательности в изучении и описании рукописей. Скажем, исключение из научных описаний так называемых церковных произведений, преимущественное внимание к так называемым светским произведениям не должно иметь места. Рукописи во всем своем составе должны пользоваться одинаковым вниманием составителей научного описания, если перед нами действительно научное описание. Стремление избежать описания церковных материалов приводит к крупным ошибкам⁷, ибо отличить церковные материалы от так называемых светских очень трудно. В средние века нельзя оторвать церковные материалы от светских. Так или иначе церковные сочинения связаны со светской историей, а светские памятники в той или иной мере церковны, отражают религиозные основы средневекового мировоззрения. Рукопись должна изучаться целиком, во всем ее объеме, во всем составе, так же как и в составе всего собрания, а не выхваченная из этого собрания.

⁴ См. рецензию Д. С. Лихачева на это издание («Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1957, т. 16, вып. 4, стр. 378—379).

⁵ В. И. Малышев. Усть-Цылемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; он же. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). М.—Л., 1965.

⁶ Л. А. Дмитриев. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заснежья.— В сб.: «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, стр. 330—337.

⁷ В церковных сочинениях очень часто погребены ценнейшие исторические материалы (Д. С. Лихачев. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного).— В сб.: «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, стр. 10—27).

Таким образом, изучение рукописей и рукописных собраний становится сейчас все более сложным. К этому изучению предъявляются все большие требования, и с ним связываются все большие научные ожидания, умножаются, усложняются типы изучения и типы, в которые может вылиться результат этого изучения.

Надо сказать, что этот процесс только начался. Мы еще стоим у самого начала развития и усложнения изучения рукописей. Это усложнение происходит и с неславянскими рукописями, — скажем, на Западе, где очень развита кодикология и дают хорошие результаты кодикологические исследования. Но этот же процесс происходит и со славянскими рукописями.

Развитие и углубление изучения рукописей со всей остротой ставит вопрос о методе и методике изучения, приведении этого изучения к строго определенным типам и стандартам, к известной унификации и самих результатов изучения.

Я хочу обратиться к самой важной проблеме, которая, мне кажется, стоит в связи с описанием рукописей, — это *проблема надежности* сообщаемых в описании сведений. Как известно, в технических и в точных науках проблема надежности сейчас — одна из самых важных. Иногда она становится даже определенной отраслью разработки. Надежность наших научных описаний или форм работы с рукописями мне кажется одной из самых важных, на которую следует обратить особое внимание.

Дело в том, что все виды обработки рукописей, которые я перечислил, могут помочь исследователю только в том случае, когда они дают совершенно надежные сведения. Если они дают ненадежные сведения, они мешают развитию науки, мешают исследователю, создают иллюзию изученности рукописи, иллюзию, которая рассыпается при обращении к конкретной рукописи. Очень много интереснейших памятников похоронено в описаниях рукописей из-за неправильных определений, которым исследователь верит, в результате чего проходит мимо этого памятника, не заглядывая в рукопись. Ошибки в описаниях рукописей задерживают их изучение иногда на многие годы и десятилетия.

Я хотел бы выделить четыре принципа надежности в области работы с рукописями. Сведения, помещаемые в научных описаниях, тем надежнее, во-первых, чем они более расчленены, во-вторых, чем они больше формализованы, в-третьих, чем точнее указываются их основания, т. е. на основе чего сделаны те или иные определения, в-четвертых, чем определеннее и точнее указание степени их вероятности, степени точности.

Так, например, можно сообщить о рукописи, что она первой половины XVI в. Но можно это сообщение расчленить — отдельно сообщить о времени бумаги, отдельно о времени почерка, отдельно о времени переплета и т. д. — и возможность ошибки будет менее вероятна. Тогда как сообщению просто о том, что рукопись первой половины XVI в., мы вообще не обязаны верить. Мы можем этому заключению верить только в том случае, если оно принадлежит очень авторитетному исследователю рукописей. Поэтому описание рукописи должно быть дано в такой форме, чтобы и работнику средней квалификации мы могли бы доверять.

Затем, каждое из сообщений следует формализовать, т. е. сведения необходимо сообщать в формуле, которая равнялась бы термину и о которой не приходилось бы гадать, что означает то или иное выражение исследователя. Исследователь не должен быть волен в своих выражениях. Описание рукописи должно быть формализовано, даваться в формальных выражениях и в определенной, точной формальной последовательности.

Далее, все основания для тех или иных датировок или определений должны быть подкреплены отсылками к соответствующим руководствам.

В дальнейшем я скажу о необходимости создания таких руководств. Только тогда, когда даны основания заключений, мы можем видеть, в связи с чем определяется дата той или иной филигранны, — ссылками на какие руководства, на какие альбомы пользовался описывающий, в связи с чем устанавливается дата почерка, переплета и пр.

Далее, выводя то или иное заключение, мы должны указывать степень приближенности, степень предположительности этого заключения. Гипотеза это, догадка ли или мы делаем заключение с абсолютной уверенностью. Допустим, перед нами ссылка на филигрань, — что она означает: означает ли это, что филигрань абсолютно точно соответствует времени и знаку в альбоме или лишь приближается к тому, что указано в альбоме?

Как я сказал, расчленение и формализация ответа предохраняют от ошибок. Хочу показать это на следующем примере — на примере с языком рукописи. Вопрос о языке, о языковом изводе чрезвычайно важен. Тут иногда даже вмешивается политика: скажем, определить ли язык рукописи как болгарский или македонский, усмотреть ли в языке рукописи болгаро-сербские наслоения или извод молдаво-влахийский, и т. д.

Вопрос о языке рукописей важен во всех случаях. Относя рукописи к тому или иному языковому изводу, описывающий рукописи, даже если он лингвист, может сделать очень крупные ошибки. Настоящий лингвист не всегда берется точно утверждать, к какому языку относится рукопись. Скорее это будет безапелляционно утверждать не лингвист. И здесь расчлененность и формализация сведений могут значительно повысить надежность сведений по языку. Как определить извод рукописей болгаро-сербских или изменивших происхождение, когда в своей истории тексты пережили столько «переездов» из страны в страну — болгаро-сербские, болгаро-сербо-белорусские или русско-украинские? Что первичное, что на что наложилось и т. д.?

Ответ должен быть возможно более расчлененным и формализованным. Не следует в описании прямо и однозначно отвечать на вопрос о языке рукописи, а следует отметить наличие в тексте рукописи тех или иных языковых форм, которые могут дать основание для отнесения рукописи к тому или иному изводу. Следует отметить употребление «юсов», орфографию, употребление «ятей», соотношение «ц» и «ч» и т. д. Все это важно, например, для новгородско-псковских рукописей. Следует искать антирусизмы, антисербизмы и т. д.

Это ответы на элементарные вопросы, и большего нельзя требовать от составителя описания рукописей, особенно если он не лингвист. Надо поручить специальной комиссии выработать инструкцию по описанию языка рукописей. Такая инструкция должна быть составлена как можно скорее. Требовать от описаний прямого, однозначного и безапелляционного ответа о языке рукописей преждевременно и опасно.

Самая важная часть описания рукописи — это, конечно, описание по содержанию. Разумеется, описание должно быть постатейным. И здесь определения должны обладать очень большой надежностью. Что значит «надежность» в гуманитарных науках? Поскольку выводы гуманитарных наук не перерабатываются немедленно в какие-то результаты, как в технике, как в конструировании действующих машин или аппаратов, приборов, постольку выводы эти не должны претендовать на жесткое выражение истины. В гуманитарных науках понятие «истина» — это по большей части цель, как и в науках точных, но это понятие должно носить более гибкий характер. И вот, как мне представляется, основное правило, которое следует принимать во внимание при описании научных рукописей: в гуманитарных науках вывод должен быть признан точным при условии точного определения его неточности, т. е. его вероятно-

сти⁸. Вывод обязательно должен сопровождаться объективным определением: является ли он 1) *безусловным*, абсолютно точным или мы имеем дело с 2) *гипотезой*, с 3) *догадкой* или с 4) *предположением*. Начинаящий ученый или просто плохой ученый обычно свои гипотезы и догадки выдает за абсолютно точные выводы. Это не только наивно, но и очень опасно; это не должно иметь места. Ученый, особенно описывающий рукопись, должен строго различать, о чем он только догадывается и в чем он абсолютно уверен, и отмечать основания своей уверенности. Как мне кажется, следует ввести в научные описания особый знак — «знак сомнения», или «знак предположительности». Дело в том, что оговорки нельзя делать очень многословными: описание должно быть формализовано, и оно должно быть кратко. Поэтому ставить после того или иного неточного утверждения «знак предположительности», мне кажется, было бы удобно. Наконец, наличие такого знака заставило бы исследователей употреблять его и задумываться над степенью достоверности вывода.

Может быть, можно воспользоваться знаком вопроса? Но вопросительный знак — это не знак предположительности, не знак степени вероятности. Чтобы не создавать типографских затруднений, я бы предложил пользоваться в качестве «знака сомнения», «знака гипотетичности утверждения» опрокинутым вопросительным знаком. Скажем, если филигрань рукописи не точно соответствует, но близко подходит номеру такому-то в альбоме Н. П. Лихачева, то после ссылки на этот номер можно было бы поставить опрокинутый знак вопроса. Нельзя требовать от составителя научного описания, чтобы он дал исчерпывающие сведения о рукописи, особенно в тех областях, в которых он не является специалистом. «Знак сомнения» предупреждал бы, что данное описание нельзя принять как окончательно установленное, что его нужно проверить самому в той или иной мере.

Но этого мало. Следует указывать, на основании чего сделан тот или иной вывод — по какому признаку и на основании каких предшествующих исследований. Так, например, если мы имеем дело с более или менее изученным памятником, в котором определены его редакции, то в описании, конечно, следует отмечать и редакцию данного памятника, но с обязательным указанием, кому принадлежит и в какой работе сделана классификация редакций, которой воспользовался автор описания. Например, указание на название летописи с отсылкой: А. Н. Насонов, работа такая-то, страница такая-то, или А. А. Шахматов, работа такая-то, страница такая-то. Если редакция памятника не соответствует сделанным научным классификациям, это тоже следует непременно отмечать, чтобы дать наводящий материал, наводящие указания для исследователя.

И затем, самое главное, — необходимо давать и начальные, и заключительные строки памятника. Это давно уже было принято в научных описаниях, но, к сожалению, часто сейчас игнорируется.

Инструкция для составления каталогов древнеславянских рукописей международной Текстологической комиссии⁹ (это другая инструкция, — не по описанию фондов) предлагает помещать первые фразы сочинения и последние. Эта хорошая традиция не должна забываться потому, что это один из принципов, увеличивающих надежность определения памятника. Первые и последние строки очень важны для определения редакции. Кроме того, надо иметь в виду, что под одним названием иногда фигурируют совершенно разные памятники, так же как один и тот же па-

⁸ Точность определений, данных измерений, хронологических отнесений и т. д. не должна превышать известных, каждый раз своих, пределов (ср.: Д. П. Горский. О соотношении точного и неточного в точных науках. — В сб.: «Логика и методология науки». М., 1967, стр. 106; А. Н. Колмогоров. Предисловие к кн.: А. Лебег. Об изменении величин. М., 1960).

⁹ «Slavia», Praha, 1963, š. 2, s. 240—250.

мятник иногда фигурирует под несколькими названиями. Первые и последние строки памятника помогают читателю ориентироваться в том, какое перед ним произведение.

Эксплицит (последние строки, конец текста) необходим еще и тогда, когда памятник обрывается или имеет другое продолжение, скажем, в житии святых, где рукопись останавливается на описании какого-либо чуда. Помещение в описании инципита (начала текста) и эксплицита — это старая гарантия надежности, старый способ, от которого мы не должны отказываться.

Еще вопрос, на котором я хочу остановиться: не задерживая начала работы над научным описанием рукописей, надо было бы продолжать исследования по отдельным вопросам, которые насущно необходимы: по истории письма, по филиграноведению, усилить работы по определению редакции известных произведений. Изучение вопросов, необходимых для описания рукописей, должно быть доведено до такого состояния, чтобы описывающий имел возможность ссылаться не на свои впечатления, а на совершенно точные номера в справочниках. Справочник по почеркам отсутствует. Имеющиеся руководства по палеографии не дают возможности ссылаться на них для определения почерка. Должны быть составлены справочники для описывающих рукописи, руководства. Только тогда описание рукописей сможет быть строже формализовано. Можно будет делать ссылки на определенные руководства и альбомы, и это повысит коэффициент надежности сообщаемых сведений.

Прежде всего для научного изучения рукописей надо широко организовать изучение истории письма, — именно истории письма, а не палеографии вообще. В палеографию входят и сведения об истории письма, и сведения по истории орнамента, и филиграноведение, и сведения по истории языка. Это все разные специальности, и они не могут развиваться в недрах одной палеографии. Поэтому историю письма, эту важнейшую часть палеографии, надо выделить в самостоятельную дисциплину и не объединять с теми разделами палеографии, которые должны развиваться в недрах искусствоведения или языкознания.

История кирилловского письма за последнее десятилетие не изучается совершенно. Издаются учебники и руководства по палеографии, но глубоких исследований по истории письма не ведется. Думаю, что постановка этого изучения не под силу одному лицу. Это должно делаться учреждением: здесь нужны крупные мероприятия. История письма должна развиваться на основе массового фотографирования всех датированных, строго локализованных и именных, т. е. имеющих известных по имени писцов, рукописей. Это фотографирование должно производиться в натуральную величину рукописи и по возможности в цвете. Уменьшение или увеличение при фотографировании совершенно искажает представление о почерке и делает непригодными большинство альбомов и справочных таблиц по почеркам. Только на основе обширнейшей фототеки датированных и локализованных рукописей можно продвинуть вперед изучение истории письма. Каждая датированная и локализованная рукопись должна сниматься в нескольких экземплярах, чтобы можно было создать различные фототеки: по датам, в хронологическом порядке, по месту создания, по писцам, по скрипториям — в различных комбинациях.

В последнее время приходилось встречаться в описаниях с такого рода отметками по письму: «почерк первой четверти XV в.» или «почерк второй четверти XV в.» Такого рода «точность» ни на чем не основана, кроме впечатления, а впечатление может быть крайне ложное. Человеческая деятельность не ограничивается четвертью века, она может продолжаться полвека и больше, и за это время почерк не меняется. Почерк одного писца испытывает физиологические, а не палеографические изменения. Признаки старческого почерка тоже важны, но они датируют не рукопись, а только возраст писца. Неверно думать, что можно определить

почерк с точностью до четверти века, тем более что почерки меняются по-разному: в центре они могут меняться быстрее, а в провинции медленнее. Вдали от городов даже в XIX в. писали почерком XVIII в., особенно старики. Датирование почерков с точностью до четверти века не должно допускаться, пока не создана настоящая история письма. Задача истории письма заключается в том, чтобы создать такие же альбомы, какие созданы по филиграням, с нумерацией почерков, чтобы мы могли действовать при описании почерка не по впечатлению, а ссылаться на номер почерка, как мы ссылаемся на номер водяного знака.

Отмечу кстати, что в Югославии недавно вышла «История сербской кириллицы» П. Джорджича¹⁰. Джорджич не рассматривает орнамент рукописей, так как это должен делать искусствовед, — а занимается только историей письма, что, конечно, правильно. Но тем не менее альбом, приложенный к этому пособию (несколько сотен снимков), не может считаться составленным правильно, потому что там большинство почерков воспроизведено с уменьшением.

В изучении филиграней делается, конечно, гораздо больше, чем в изучении истории почерков, но и в этой области делается не все, что необходимо для научных описаний рукописей. Прежде всего необходимо дальнейшее изучение вопроса о залежности бумаги, т. е. о разрыве, который существует между датой выпуска бумаги и датой ее использования в различных местностях. Здесь должны быть собраны статистические сведения, и эти сведения должны быть сведены в таблицы, чтобы можно было на них ссылаться.

И затем — вопрос, который поднял уже упомянутый мною американский исследователь Д. К. Уо, — это создание сводного каталога филиграней. В научных описаниях мы имеем обычно много ссылок на альбомы филиграней. Но в чем недостаточность этих ссылок обычно? Мы не знаем, были ли доступны для описывающего все или только некоторые альбомы. Может быть, составитель описания не имел доступа к отдельным альбомам. Не во всех научных собраниях рукописей имеются все альбомы. Поэтому ссылки на филигранные должны иметь «ключ»: какие пособия были использованы составителем описания. Работа по розыску филиграней могла быть значительно упрощена, если бы мы воспользовались копировальной машиной, пропустили через нее все имеющиеся альбомы и расположили полученные оттиски в едином нужном порядке. Ссылки должны были бы, конечно, делаться на альбомы, а не на полученный в результате копировки свод, но розыск филиграней составителем научного описания рукописей был бы значительно облегчен. Свою полезную идею Д. К. Уо хочет осуществить сам и передать экземпляры составленного им свода в главные хранилища Советского Союза. Это было бы очень нужно, и мы были бы ему очень благодарны за ее осуществление.

В заключение я бы хотел сказать следующее. В настоящее время научный работник, создающий научное описание рукописи, имеет перед собой один документ: это своего рода анкета, на которую он должен давать ответы в определенном по этой анкете порядке. Я думаю, что этих документов в руках описывающего должно быть больше. Прежде всего анкета должна быть, но с более расчлененными вопросами, чем, как я уже говорил, это принято сейчас. Во-вторых, должна быть создана подробная инструкция — как на эти вопросы отвечать, даны формулы ответов. В-третьих, должны существовать руководства, созданные специалистами для описывающих рукописи.

В библиографии есть понятие ключа к библиографии. Библиография обесценивается, если к ней нет ключа. Ключ должен быть и к описаниям рукописей. Он должен быть такого рода: что знает описывающий; какая у него в руках справочная литература; на основании чего он делает

¹⁰ *Петар Борџић*. Историја српске ћирилице. Београд, [1971].

определения — на основе собственного опыта, на основе случайно попавшихся материалов или на основе всей справочной литературы по данному вопросу. Научное описание — это такого рода работа, которая легко может быть сделана очень плохо и которая может быть даже вредна, потому что определить, что она сделана плохо, напротив, очень нелегко. Но она может быть такова, что ее можно представить в качестве кандидатской и даже докторской диссертации.

Кстати, настоящая научная работа по описанию рукописей иногда более сложна, более квалифицирована, более рекомендует описывающего как ученого, чем статьи, которые печатаются в наших сборниках, или работы, которые подаются в качестве кандидатских диссертаций. И может быть, следовало бы подумать, чтобы поставить перед ВАКом вопрос о разрешении допускать к защите хорошо сделанные научные описания рукописей. Добросовестная работа по описанию рукописей — это настоящая и очень важная научная работа, требующая высокой научной квалификации. Хорошие научные описания, при наличии достаточно надежных оппонентов, должны были бы представляться в качестве диссертаций, если, конечно, эти описания будут иметь введения с описанием истории фонда или введения, ставящие принципиальные вопросы, связанные с описанием фондов. Полное постатейное описание рукописей — серьезный научный труд, требующий своего признания как научного труда и детальной разработки своей методики. Это научная база, основание так называемых «базисных наук» в области исторической, лингвистической и литературоведческой¹¹.

¹¹ См. также Д. Лихачев, С. Шмидт, Н. Покровский. Уважение к древности. — «Правда», 14 августа 1973 г.